

Репин В.Б.

Суррогат

Повесть

2022

ознакомительная демо-версия

1-26 стр. / 133 стр.

В тот памятный год о коронавирусе ещё только начинали говорить, а со мной уже случилось всё самое худшее, что бывает в жизни. Я потерял самого близкого мне человека. Вылечить жену от онкологического заболевания так и не удалось. И даже месяцы спустя скорбь не переставала скручивать меня в узел. Бороться с собой я и не пытался. Хотя зачем-то заставлял себя беречь силы, словно боялся, что меня не хватит на остальное, ещё только предстоявшее. А предстояло нести свой крест до конца.

В московской квартире всё напоминало о вчерашней жизни. Остаться здесь было выше моих сил. Пришлось подумать о том, как жить дальше. Годы назад, до брака, я успел пожить во Франции, и от прошлой жизни в Париже у меня оставалась крохотная

двухкомнатная квартирка, купленная в кредит, с которым я до сих пор ещё не рассчитался. Планировал продать её, но руки всё не доходили. Мы с женой и её детьми от первого брака приезжали в отпускное время и останавливались в этой квартире. Сюда я и приехал из Москвы, причём на своём московском джипе, повидавшем уже и не такое; оставить машину в любом случае было негде. На этом допотопно-чёрном, рычащем чудище я беспардонно и разъезжал по Парижу, да ещё и с российскими номерами.

В четырёх стенах парижской квартиры жить тоже оказалось невмоготу. Знакомые помогли мне снять другое жильё. Так я и обосновался к концу лета в Йере, настоящей загородной дыре. Престарелая русская эмигрантка сдала мне скромную, но отдельную часть дома, в котором жила сама...

В начале октября дни стояли тёплые, солнечные. В воскресенье я решил прогуляться по старым местам. Тянуло побродить по лесным аллеям, подышать прохладой осеннего леса. Приезжая во Францию вместе, мы с женой когда-то исходили вдоль и поперёк весь зелёный массив к северу от Парижа. И лишней раз хотелось что-то сверить в себе. Я всё ещё пытался хотя бы на пару часов приостановить время, неумолимо втягивавшее меня в ненужную мне новую жизнь.

На знакомой лесной автостоянке всё было по-прежнему. Как только я припарковал машину, меня охватило чувство, что я вернулся. И в этом было что-то нереальное. Вокруг — оглушительная тишина. Ни шума с дороги, ни птичьего щебета. Доносился лишь осторожный, невнятный стрёкот и шелест самого леса.

Лес выглядел ещё летним. Трава на обочинах оставалась свежей, зелёной. Из нескольких просек,

разбегавшихся от развилки на все четыре стороны, я выбрал самую широкую, чтобы проще было ориентироваться, и направился туда, где было солнечнее. Невольно приглядываясь к листве и кустарнику, я вскоре наткнулся на горстку опят. Не рановато ли для опят? Листопада, дождей ещё не было. Объяснение могло быть только одно: лес был завален несметным количеством валежника. Палые деревья так и не были убраны после урагана, о котором писали и говорили несколько лет назад.

Собирать грибы в одиночку — занятие непривычное. Особенно остро это осознаешь, если попадаются настоящие, хорошие грибы. Поделиться радостью не с кем, а это всегда странно. Зато начинаешь буквально вкушать каждое мгновение. У одиночества есть не только плохие стороны. Впервые я это осознал ещё в молодости, когда я ещё только начинал принимать себя за писателя, а заодно и за инакомыслящего. В летние месяцы я бедствовал на даче, снимая домик в Переделкино, и однажды решил пойти за грибами. Суп из подберёзовиков, собранных на соседней вырубке, показался мне в тот день царским обедом.

Ни о каких грибах я сегодня даже не думал. Но когда наткнулся на боровик, я понял, что ходить мимо таких грибов и просто на них любоваться не смогу. Как бороться с таким соблазном? Белый гриб размером с кулак жалко было срывать. Опустившись на корточки, я озирался по сторонам в поисках всего семейства. Так учил меня в детстве дядя, заядлый грибник. Он утверждал, что грибы появляются сами, стоит только притаиться и присматриваться к лесу, одновременно вырисовывая в уме, как грибы должны выглядеть.

Я увидел ещё один белый гриб, а затем ещё. Время было действительно грибное. Грибы пришлось

собирать в пластиковый пакет, высвобожденный из-под бутербродов. Увлекаясь, я рыскал по траве и листве. Но больше ничего не попадалось, а солнце мельтешило теперь с другой стороны аллеи.

Я перебрался через дренажную канаву в соседний лесной массив. Дубовая чаща, поросшая кустарником, здесь оказалась непролазной. Боровики в таких местах растут редко. Но лес завораживал тишиной, напоминал что-то давнее, забытое. Дальше идти уже не хотелось.

Меньше чем за час мой пакет всё же оказался полон отборных боровиков. Приходилось выбрать окончательно: грибы или прогулка. Увесистую ношу нужно было, конечно, спрятать и забрать уже на обратном пути к машине. Я сел на пенёк и подумал о чём-то совсем другом, когда вдруг раздался треск сучьев.

Хруст повторился совсем рядом. Я стал присматривать себе короткий путь к просеке. А вдруг лесной зверь? Но в тот же миг в просвете зарослей показалась фигура мужчины. Не зверь, а человек. В лесу это всегда и пугает, и радует. Незнакомец в коричневой куртке тоже, видимо, бродил по лесу в поисках грибов.

Чтобы не оказаться для него в свой черёд сюрпризом, я с хрустом надломил ветку. Тот застыл на месте, прислушался. Из-за куртки защитного цвета, которая была на мне в тот день, выдать меня в лесной чаще могло лишь светлое кепи на голове.

Наконец и он меня увидел. Выждав пару секунд, незнакомец направился в мою сторону.

Мы поздоровались.

— А я уж было... Кабан, думаю. Нагулялся, — неуверенно произнёс француз.

— Я тоже. Уже хотел мотать отсюда, — сказал я. — Да некуда.

Озираясь по сторонам, незнакомец опустил в листву пустоватую корзину и с облегчением заверил меня:

— Кабанов здесь перестреляли.

— Разрешено охотиться?

— Не знаю... Ходят командой, в зелёном, как парашютисты. Хохмачи! На одном видел шляпу с пером.

— Раз перестреляли, чего же вы боитесь?

Взглянув на меня вопросительно, он покорно кивнул.

Я ждал, что он спросит меня про мой акцент. Но он не спрашивал.

— Много насобирали? — Я показал на его корзину.

— Кот наплакал.

— Белые?

— Шампиньоны.

Незнакомец наклонил корзину. На дне действительно светлели крупноватые, в форме зонтиков полевые шампиньоны.

Французы почему-то умеют отличать шампиньоны от бледных поганок и ценят эти никудышные грибы куда больше, чем они того заслуживают. Грибник он был ещё тот.

— А я белые предпочитаю.

Я показал содержимое своего пакета.

Он так и обмер:

— Откуда? Мне ни одного не попало.

— Да полно в этом году.

Француз беспомощно присел рядом на ствол палого дерева и разочарованно помолчал.

— Редко кто ходит за грибами в одиночку, — сказал я, про себя всё ещё что-то сопоставляя.

— Да уж, на китайцев мы с вами не похожи, — усмехнулся он. — Тоже шайками шастают, я их часто

вижу. С во-от такими корзинами. — Француз изобразил руками что-то непомерное.

— Китайцы? Здесь?

— А там на дороге не встретили никого? С какой стороны идёте?

Я показал в направлении лесной парковки. Он одобрительно кивнул и представился:

— Меня зовут Поль.

В ответ я назвал своё имя.

— Русский?

— Русский. Не похож?

Он смерил меня взглядом:

— Не-а.

— В России грибы все умеют собирать. Дети, взрослые... Такая традиция. Раз грибник — значит русский, — сказал я.

Не понимая, к чему я клоню, он вновь сомнительно усмехнулся.

Ему было под пятьдесят. В джинсах, в полуохотничьей куртке с капюшоном, небритый, худощавый, внешности скорее неопрятной — типичный на вид парижский холостяк, скептик поневоле. А скептики обычно не знают, как убить выходные. Вместо рюкзака он носил сумку через плечо, в которой, как и я, припас, вероятно, воды, сэндвичей, а вместо резиновых сапог, не в пример мне, обут был в кроссовки.

Я достал из рюкзака вино. Пластмассовых стаканчиков, воткнутых один в один, у меня оказалось несколько.

— Будете?

Он посмотрел на этикетку, снисходительно взял стаканчик.

— Вот это, я понимаю, организованность, — одобрил он.

Я наполнил стаканчики. Мы отпили по глотку. Он благодарно кивнул.

Я достал бутерброды, предложил половину своей провизии. Поблагодарив, он отказался.

Мельком поглядывая на меня, пока я оприходовал бутерброд с ветчиной и нарезанными корнишонами, он одобрительно ухмылялся.

— Хотите, помогу белых грибов набрать? — предложил я.

— Прямо здесь?

— А чего далеко ходить?

Он хлопнул себя по коленям:

— Кто ж откажется.

Я подлил ему вина, завернул в фольгу оставшиеся бутерброды, спрятал их в рюкзак и, оставив у его ног бутылку, попросил посидеть, подождать.

Едва я отдалился на несколько шагов, как мне попались два тёмно-коричневых боровика.

— Идите сюда!

Он спешно приблизился, присел рядом.

— Да-а, ну и глаз у вас.

— Берите.

— Прямо так?

— А как?

Я вырвал гриб с корнем.

— Русские их подрезают, — сказал я. — Чтобы грибницу не испортить. Ну а здесь...

Он сорвал второй гриб, понюхал его.

— Настоящий?

— А теперь не двигайтесь, — попросил я тоном фокусника.

Он не двигался. На его лице опять появилась недоверчивая ухмылка.

Шурша сапогами по листве, я обошёл молодые липы, дуб и показал ему в траве ещё семейку боровиков.

С неуклюжей торопливостью француз приплёлся и сюда, снова присел на корточки, сам сорвал все три гриба и не переставал с удивлением покачивать головой. За четверть часа мы заполнили его корзину.

Вернувшись к рюкзакам, какое-то время мы сидели молча.

— В Париже проживаете?

Я утвердительно кивнул:

— Под Парижем. А вы?

— Тоже... в пригороде, — ответил он, помедлив. — Машину где оставили? Дотащим? — Глазами он показал на наши грибы.

Я даже не сразу понял его вопроса. Ведь не собирался же он расставаться с таким добром только из-за веса.

Дня через три, под вечер, на мой мобильный телефон позвонил тот самый Поль, из леса, с которым в воскресенье мы кое-как дотащились с грибами до машин, вернее до моего джипа, а я подвёз его к другой парковке, ближе к главному шоссе, где он оставил свой «фольксваген». Из вежливости мы обменялись телефонами, и допили, сидя на бревне, оставшееся вино.

Француз звонил, чтобы поблагодарить за грибы. Удивил, мол, всех. И соседей, и прежде всего свою маму, как раз приехавшую его навестить. «Стейки» из белых грибов у него получились необыкновенные, уверял он. Но я даже не знал, что из белых грибов можно жарить стейки. Не зная, что ещё сказать, он

предложил как-нибудь созвониться и опять вместе побродить по лесу.

И через несколько дней Поль действительно объявился вновь. Он принялся сумбурно объяснять, что его родственница, вроде бы племянница, изучала русский язык и недавно даже отважилась съездить в Петербург, после чего измучила родню своими байками, настолько дурёхе — он так и выразился — всё понравилось.

— Вы не хотите как-нибудь поужинать у нас? — подытожил он.

Я не отказывался. На что это обязывает? Я уже начинал догадываться, что человек он одинокий, хотя, как выяснилось, и был женат. Возможно, ему и некому было больше позвонить. И я уже несколько не удивился, когда он перезвонил мне в очередной раз, на следующий же день, и позвал меня ужинать к ним с женой не когда-то там, а сегодня же.

Они жили в западном пригороде, в чистом, тихом районе, где оседает люд в основном семейный и небедный, а ещё чаще пенсионеры с хорошим достатком. «Павильон» в несколько этажей, подобие коттеджа, но с подъездами, утопал в сени каштанов. Француз вышел встретить меня к калитке с домофоном. За калиткой дышал свежестью ухоженный общий дворик. Перед лифтом он почему-то поблагодарил меня за согласие приехать в гости.

Мы поднялись на третий этаж, вошли в просторную, светлую квартиру с многочисленными комнатными растениями по всем углам. На миг замешкавшись, хозяин предложил мне проследовать в гостиную.

Просторное помещение смыкалось с настезь распахнутой лоджией. Из-за цветов, фикусов и пальм, в лоджии было скорее темновато. Он мне указал как раз туда, в дверной проём — мол, проходите.

Перешагнув через порог, я увидел женщину средних лет в кресле. До меня не сразу дошло, что кресло представляет собой инвалидную коляску. Приветливо улыбаясь, женщина протянула мне руку. Мы поздоровались. Она явно была не в состоянии подняться навстречу.

— Вероник... Моя лучшая половина, как говорится, — сказал Поль, подбирая слова.

— Очень приятно. Ну а худшая? — подколот я.

— Я сам, понятное дело, — самодовольно ухмылялся он. — Вероник прикована к креслу, — расставил Поль точки над «i». — Она не может ходить самостоятельно.

Та улыбалась открытой, яркой улыбкой. Худошавая, ростом, наверное, выше среднего, темноволосая и бледнолицая, что подчёркивалось чёрной нарядной кофточкой из кашемира. Вероник производила впечатление человека, отвыкшего принимать гостей. На коленях у неё лежал английский плед в большую синюю клетку.

Поль задержал на мне вопросительный взгляд, а затем, будто спохватившись, объявил, что приготовил французский ужин.

Французский так французский. Другого я и не ожидал.

— Косуля с грибами. Маринованная и запечённая, — добавил хозяин. — Вы мясо-то...

— Ем, конечно, — сказал я.

— Ну и с артишоками. Вероник любит артишоки. — Он словно извинялся за что-то. — Выпить хотите?

Я помялся.

— Чего вам налить? Может, водки?

— Если нет ничего другого...

— Виски?

— Виски.

— У меня дорогого нет.

— Не волнуйтесь.

Он принёс в лоджию наполовину опустошённую бутылку «Джей энд Би», тарелку со льдом, пододвинул для меня плетёное кресло и, снова чему-то ухмыляясь, сел напротив и выжидательно смотрел мне в глаза.

— Поль говорит, вы в грибах большой знаток, — заговорила его жена.

— И да и нет. В белых грибах, по-моему, все разбираются...

— Да ладно, ладно... Я так всю жизнь в магазине должен покупать... белые грибы да лисички, — обиженно поправил меня хозяин.

— Во Франции давно живёте? — задавала Вероник дежурные вопросы.

— Лучше не спрашивайте. Слишком давно, — ответил я. — С перерывами, правда.

— Слишком — это почему? Надоело?

— Долго нигде нельзя жить, мне кажется. Десять—пятнадцать лет — это максимум. Потом нужно переезжать.

— Вот видишь... Я то же самое ей говорю. Когда я тебе говорю, что не могу жить долго в одной и той же квартире, в одном доме, ты что мне отвечаешь?.. — Поддакивая мне, муж призывал в свидетели не меня, а жену. — Ты мне говоришь...

— Я отвечаю ему, что он не умеет жить. Куда-то всё бежать, сборами заниматься. А жизнь... Жить и строить надо там, где ты живёшь всё время, всегда, — с какой-то особой жесткостью пояснила Вероник, выражая, между тем, вполне понятную и в то же время нестандартную точку зрения, с которой и спорить было невозможно, и согласиться сходу тоже не получалось.

Готовый теперь уже к любым вопросам, я цедил виски со льдом.

— А вот мы прожили в Италии лет двадцать, — привёл Поль другой пример. — И вы знаете, под конец... под конец действительно надоело, да так что...

— Италия?

— Италия, Рим, итальянцы, — меланхолично перечислил он, вдруг похожий на себя, скептика из леса.

— Наверное, я понимаю вас, — попытался я его обнадёжить.

Но вряд ли мне поверили. В глазах у некоторых людей бывает такое выражение, будто понять их не может никто на свете.

— В Париже я тоже ловлю себя на этом ощущении, — пояснил я в свой черёд. — Хочется всё менять. Район хочется сменить, переехать куда-то. Но на словах-то всё просто...

— Почему только на словах? — допытывалась Вероник с той же прямолинейностью.

— Менять квартиры — это целая история. Да, многие так и делают, ещё и деньги заработают на этом... У меня есть такие знакомые. А я живу одной ногой здесь, другой там. Ничего постоянного. Вот и получается... — Я остановился; зачем им все эти подробности?

— Получается, что живёшь там, где живётся, — понимающе заметила Вероник.

— Ну да. Или всегда в разных местах. Наоборот тоже бывает.

Поль вылил мне остатки виски.

— Пейте, пейте. У меня ещё есть.

Он встал, сходил за какими-то «кракерами» или чипсами, которых я сроду никогда не покупал и не ел. Но и он, принеся их полную тарелку, к ним не притрагивался. Вероник же, пока мы распивали

аперитив, не притрагивалась вообще ни к чему. Но она вдруг попросила себе рюмку портвейна.

Поль воспрянул. С видом непонятого облегчения он принёс жене рюмку белого портвейна. Ему видимо не часто приходилось выполнять такую просьбу. И это тоже, конечно, было связано с её болезнью. Судя по её манере держать себя, в позе почти неподвижной, полностью прикрывая пледом колени и ноги, нижняя часть её тела была парализована. Это выглядело и странно, и как-то неловко. Игнорировать вроде бы невозможно, но любой вопрос на этот счёт, вопрос к людям, которых почти не знаешь, прозвучал бы бестактно.

— Вероник парусным спортом занималась, — как бы угадывая мои мысли, сказал Поль. — Профессиональным.

Ничему уже не удивляясь, я ждал пояснений.

— Получила травму, упала. Сломала позвоночник. Сколько ни оперировали... Вот. — Поль развёл руками.

Ей же от объяснений стало неловко. Она что-то сверила по мне тихим взглядом. Но даже в глазах у неё чувствовалось что-то доброе, располагающее к себе. Она словно извинялась передо мной, но не за себя, а за мужа, за всё им сказанное.

И я вдруг посмотрел на себя другими глазами. Я показался себе здоровым, благополучным, вполне себе, несмотря на все мои горести и на «холод жизни», с которым я упрямо не хотел смириться. Вот уж действительно не поспоришь: всё познаётся в сравнении. Французская пара, сидевшая передо мною, умудрилась полжизни прожить в Италии, ни в чём, конечно же, не нуждалась, но успела пресытиться всем на свете. Какое количество людей могло бы им позавидовать. А ведь именно такие люди, как эта пара

передо мною, несли на себе печать усталости, изношенности. Нередко видишь подобное во Франции, я замечал это и раньше. К этому и приводит чаще всего размеренная, однообразная жизнь, — понимать это я тоже уже научился. Но как всё же странно бывает констатировать, что некоторые люди, во сто крат более обеспеченные, чем ты, благополучные во всех отношениях, лишены в жизни чего-то главного, на первый взгляд, как будто бы чего-то простого, что другим дано от природы, от рождения. Мир кривых зеркал. И в нём никогда не бывает ничего прямого, логичного. Впрочем, мне никогда не удавалось сформулировать это ясно. Тем самым я, наверное, предохранял себя и от чванства. Но диссонанс всё чаще давал о себе знать в моих отношениях с французами. Не случайно в моём ближайшем окружении их становилось всё меньше, а во Франции я бывал всё реже. Нас разделяло что-то в оценке жизни.

Хозяин пошёл заниматься ужином и вскоре позвал нас за стол. Помочь Вероник с креслом? Но Поль сам выкатил кресло-каталку через порог, привычными движениями подтолкнул кресло к тыльной стороне стола, — видимо, привычное для Вероник место. Одним взглядом он оценил, всё ли есть, что нужно, передал ей столовую салфетку и стал носить свои блюда.

За столом я спросил его о том, о чём хотелось спросить сразу же, ещё при первой встрече в лесу, — кто он по профессии.

— Врач, — ответила за мужа Вероник, с той же непосредственностью, как и он только что, когда отвечал на вопросы вместо неё.

— Бывший, — поправил Поль и, с упрёком взглянув на жену, добавил: — Меня лишили права заниматься практикой... Я соглашался делать эвтаназию. По

просьбе знакомых. Родня одного пациента перессорилась, подали в суд и пошло-поехало...

В подробности он не углублялся. Видимо, этим и объяснялся их отъезд в Италию. Дальше я не расспрашивал.

Вероник поинтересовалась, есть ли у меня дети. На этот простой, дежурный вопрос сложно бывает ответить. Я объяснил, что когда-то, до развода с первой женой, воспитывал мальчика, а теперь, поскольку он жил с матерью в новой семье, мы практически не виделись, — такое решение она навязала всем вопреки моей воле.

У них тоже был сын — уже почти молодой человек. Точнее у Поля, тоже от первого брака. Мальчик жил и учился в интернате, но это не мешало им общаться чуть ли ни ежедневно.

Ужин был приготовлен со знанием дела. Как я уже догадывался, кулинаром хозяин был прожжённым. Филе косули я видел иногда в магазинах перед праздниками и всякий раз удивлялся, каким образом настоящая дичь попадает в парижские торговые сети. Ведь не охотники же, вроде тех, что отстреливали кабанов в лесу, где мы познакомились, поставляют мясо в супермаркеты. Предложенный под конец овечий сыр с фермерского рынка оказался уже лишним, к нему так никто и не притронулся. Хотя вина мы выпили все вместе немало, оно оказалось слишком хорошим.

Мы опять говорили о медицине, и я не мог не расспрашивать об эвтаназии. Бывший врач в вопросе разбирался с удивительной дотошностью, знал все методики и даже дозировки препаратов, которые использовались для умерщвления людей. К тому же ещё студентом он подрабатывал в морге, что прибавляло опыта, как он считал. Он уверял меня,

причём таким тоном, будто я ему в чём-то перечил, что человек привыкает ко всему, даже к смерти.

Шутки шутками, а дискуссии завершились в тот вечер неожиданным рассказом хозяина о том, как его однажды списали на тот свет по чистому недоразумению:

— В прошлом году тётке своей, пожилой... сегодня её уже нет... я отдал свой старенький телефон, вместе с сим-картой. У неё с памятью были нелады, да и не только... И вот ей позвонили из интерната. Звонят мне по старому номеру, а попадают на неё... И она им заявляет: а Поль-то наш на днях погиб, попал под поезд. От него, мол, мало что осталось. Собирать пришлось в мешочки... Оставшееся от меня то есть... Учительница, конечно, потеряла дар речи. Услышать такое! Передавала соболезнования, извинялась. Учителя рвали на себе волосы. Как теперь мальчик будет один? Какое всё же горе — попасть под поезд... Обзванивали друг друга, ломали голову, как мальчику нашему, семье помогать... И вот появляюсь я. Звоню директрисе узнать, как дела у моего оболтуса. Здравсте, — говорю... Та молчит. Разговор получается странноватый. Но вы представляете картину... Она меня осторожно спрашивает: а вы, правда, такой-то... Я в недоумении отвечаю: ну правда, конечно, я отец Макси. Тут она мне всё и выкладывает. Но таким тоном, будто речь идёт не обо мне, а о ком-то другом. Человека сбил поезд, вы представляете? Какой поезд, недоумеваю я? Какого человека?.. А потом дошло! Боже, какой был переполох! Сколько было извинений, даже слёз... Слез радости, за нас за всех. Бывает же... Как мы потом смеялись... Так что я как бы вакцинирован.

Впечатление производил не столько рассказ, сколько сам рассказчик и задор, с которым он смаковал

подробности. От непонятого вдохновения его прямо-таки распирало. Всё, мол, в жизни повидал. Все меня, мол, уже видели в разных качествах. И ничего — жив-здоров.

Он переглядывался с женой, искал у неё поддержки. Она же с неловкостью косилась на меня: мол, не взыщите.

Я не совсем их понимал. Бывший врач не был таким уж простаком, каким показался мне поначалу. Опыт жизни и смерти он нажил, похоже, незавидный. Одно это дано не каждому, кое-что я знал уже по себе. Но его взгляд на вещи, довольно личный и при этом выдаваемый за что-то такое, что должно быть понятно всем, едва ли вписывался в норму, да и был каким-то одномерным. Схожим образом реагировала и его жена, я это видел по её глазам. Но супружеская солидарность была превыше всего. Их единило безоговорочное понимание друг друга, что-то родственное. Одному этому можно было позавидовать.

Время шло к одиннадцати. Пора было закругляться. Я поблагодарил за ужин, за вечер. Вытянувшись столбом перед сидящей хозяйкой, я протянул ей руку, попрощался. Поль пожелал проводить меня вниз. И в тот момент, когда мы пожали друг другу руки, уже в калитке, он, будто опомнившись, спросил меня, а не поехать ли нам и в самом деле пошататься по лесу ещё раз? К концу следующей недели обещали хорошую погоду.

Я не отказывался, обязался следить за погодой и заранее распланировать своё время. Теперь-то у меня был компаньон, было с кем бродить по лесам, констатировал я, да ещё и не понимавший во мне ровным счётом ничего. А это и вовсе освобождает от всякого груза. С этой мыслью я и уехал: скрытно от

всех, как и все одинокие люди, я медленно, но уверенно становился эгоистом.

В назначенную субботу Поль приехал в лес вместе с Вероник. Она сидела впереди справа, на специальном сиденье. Ей тоже захотелось погулять, подышать лесной свежестью.

На заднем сиденье был виден ещё чей-то силуэт. Я догадался, что это их сын. Вид паренька меня сразу же чем-то поразил. Он улыбался, как человек, привыкший улыбаться всем подряд, без всякой причины. И только через минуту по тону Поля и по одной-другой невзначай брошенной фразе, я понял, что мальчик, — ему было лет шестнадцать, — умственно не совсем полноценный.

— Он немного иной... С рождения, — сказал Поль и краем глаза смерил мою реакцию, правда без лишней щепетильности, давно видимо научившись называть вещи своими именами.

В сердцах я, конечно, пожалел, что меня не предупредили. Планы с прогулкой выглядели теперь не очень понятными. Всем табуном идти за грибами? Но Вероник поспешила заверить меня, что собирается сидеть в машине. Гулять нам предстояло без неё, не могла же она сопровождать нас в коляске. Воздух, лес, запахи осени... — она и этому была рада. Подобные выезды они с Полем совершали регулярно, было бы настроение, такой у них заведён ритуал. Задуманный пикник — это уже потом, когда мы вернёмся к машинам, вносил Поль нужную коррективу. Такова была его программа.

Я припарковал джип аккуратнее, чтобы у Вероник оставался обзор справа. Мы выгрузились. На этот раз у Поля было две корзины — для себя, для сына. Не

теряя времени, мы подхватили свои рюкзаки, корзины и втроём направились в том направлении, где были в последний раз...

В лесу мы пробродили часа два, но грибов так и не нашли. А затем мы долго и дружно пикниковали на остывающем осеннем воздухе, разложив провизию на больших круглых чурбанах, оставшихся от столетнего дуба, который лесники зачем-то завалили у самой парковки. Поль с женой привезли холодное мясо и вино, а я, как и обещал, фермерский сыр и другие мелкие закуски, купленные в готовом виде.

Вечерело быстро. От тенистой стороны леса тянуло прохладой и чем-то пряным. Мы с Полем пили много вина, хотя обоим нам ещё предстояло сесть за руль. Вино оказалось ничуть не хуже, чем за ужином у них дома...

День мне показался коротким и до странности необычным. Между собой мои новые знакомые почти не общались. Так бывает в некоторых семьях. Но я им немного завидовал, не мог не смотреть на них, теперь уже собравшихся всем семейством, с некоторой тоской по семейной жизни. Ведь всё это когда-то было и у меня.

На протяжении всего вечера, пока мы не разъехались, я в очередной раз находил подтверждение своим наблюдениям: французы поразительно сильно отличаются от русских, иногда даже физически. Русские открыты, совестливы, говорливы, иногда не блещут манерами. Французы умеют себя вести, почти всегда замкнуты, практичны, редко прямолинейны и в большинстве своём одиноки, в том числе и семейные люди.

Трёхэтажный особняк, не раз на своём веку сменивший хозяев, только одной половиной принадлежал старушке. В другой части дома, с отдельным участком и входом, жила французская семья. С нашей стороны дом окружал запущенный сад, весь в розах и пионах. На воротах дежурила жизнерадостная, лохматая глициния, которая лезла обниматься с каждым встречным. Неподалёку на километры простирался дубовый лес. В нескольких минутах ходьбы, в низине, петляла местная речка... В таких местах жизнь, наверное, и нужно начинать заново, если уж приходится. Но душа у меня не лежала ни к каким начинаниям.

Я жил, как затворник, замкнуто, никого у себя не принимал. Иногда я помогал в саду: прогонял газонокосилку по траве, стриг ветки, когда они начинали мешать проходу. Как-то само собой получалось, что на звонки в ворота — почтальона, коммунальщиков, соседей — выходил всегда я. Мне быстрее удавалось спуститься. И как-то в воскресенье, около двух часов, выйдя на чей-то незнакомый голос, скомкано звучащий в динамике домофона, я даже не сразу понял, что визит не к старушке, а ко мне.

— Здравствуйте... здравствуйте, это я! — доносился из-за ворот оживлённый басок, пока я приближался к калитке. — Максимилиан, это я...

Удивительно, как до меня вообще дошло, по одному голосу, что это Макси, сын Поля. Полным именем его никто при мне ещё не называл.

Незванный гость был как-то странновато одет — слишком легко, по-летнему. Ещё больше я был удивлён, увидев в руках у него коробки с японской едой из уличной забегаловки. На покупки ушло не меньше тридцати евро. Непонятно, где он вообще

нашёл японский ресторан, ничего похожего рядом вроде бы не было.

— Здравствуйте. Я к вам. Я купил суши... У меня были деньги. — Парнишка сиял прямодушной, обезоруживающей улыбкой и подобострастно, несколько по-лакейски кивал, чем окончательно выбивал меня из колеи.

Я открыл калитку. Мы прошли в дом, в мою половину. Взяв у него покупки, я поинтересовался, в курсе ли его отец, что он отправился ко мне в гости, ведь я жил совсем не близко. Откуда у него вообще мой адрес?

Папочка, понятное дело, был не в курсе.

Я переспросил гостя, как же он нашёл дорогу ко мне, как не заблудился.

— У меня память гениальная. Учителя так говорят. Я никогда не забываю адрес, телефон, — похвалился он с лёгким гогомом. — Вы папе записали адрес, где живёте...

Я не знал, как реагировать. Максимилиан стырил мой адрес у отца? Звонить, спрашивать, как мне с ним быть? Привычная ли это ситуация в их семье?

Отец не отзывался. Мне пришлось оставить сообщение на его автоответчике...

Уже позднее Поль объяснял мне, что Макси иногда «отлынивает» от занятий в интернате, без спросу отправляется бродить по городу, тем самым вызывая большой переполох во всём заведении. Персоналу уже приходилось обращаться в полицию. Импульсивные выходки объяснялись болезнью. И что немного всех успокаивало, настоящих глупостей Макси всё же не совершал. А улепётывал он из интерната только для того, чтобы побывать в каком-нибудь парке, который ему мимоходом приглянулся, или чтобы сходить в кино. Причём главным критерием выбора киносеанса

у него была какая-нибудь зверушка, попадись она ему на афише, или ещё небезызвестный актёр Венсан Линдон. Фильмы с участием этого актёра Макси не пропускал. Почему — вообще никто не мог ни понять, ни объяснить. Почему именно Линдон? Почему, например, не картины с Пьером Ришаром, от которых гогочет весь зал, от мала до велика? Это выглядело бы более логично. Поля, да и психологов, у которых Макси стоял на учёте, обнадеживал тот факт, что свои «номера» Макси откалывал из-за какой-нибудь увлечённости, поступки оставались рациональными. Ко мне же Макси привязался, — объяснял мне Поль, — точно также, как к Венсану Линдону. Просто так, без причины. Поль это понял ещё во время нашей совместной поездки в лес. Но как он мог мне всё это объяснить в лесу?

Понятно, что никак. Перспективой подобных визитов на дом он бы меня напугал, да и только. Для меня, конечно, было важно уяснить себе заранее, вернётся ли Макси ещё раз и как реагировать на его появления? Поль заверял меня, что это может повториться и что я правильно поступил, накормив мальчика обедом, правильно сделал, что сразу позвонил, предупредил. Если это случится ещё раз, Поль просил меня принять всё просто, не паниковать и обязательно ему звонить, ставить его в известность.

Примерно через месяц Макси снова появился в Йере. На этот раз в видеокамеру домофона я узнал его сразу. Он как всегда сиял до ушей своей немислимой улыбкой. Я поспешил к воротам.

— Здравсьте, — загоготал он. — Я вам подарок купил.

Ещё не войдя в калитку, он протянул мне большой фолиант. Садовое искусство монастырей Франции, что-то в этом духе, — такие издания громоздятся в витринах книжных магазинов перед праздниками, и покупать их — одно разорение.

Пройдя в дом, мы какое-то время сидели на балконе, довольно просторном для моих скромных апартаментов. Сегодня здесь было тепло от солнца. Гостя я усадил в плетёное кресло, а себе принёс стул.

С осторожностью косясь в мою сторону, Макси разглядывал комнатную живность в вазонах. Уличная сторона была действительно солнечной, до холодов я мог держать растения на балконе. Гость интересовался названиями роз, кустов, росших внизу под балконом. Но всё, что я знал, так это то, что жасмин, мешавший ходить перед крыльцом, рано или поздно должен был зацвести красными соцветиями и что называется он «японским». Папаша меня уже проинформировал, что в семье подумывали, не отправить ли Макси учиться на садовода. В специальных учебных заведениях таких, как он, обучали как раз подобным профессиям. Время было обеденное, я попросил гостя посидеть и подождать, пока я что-нибудь приготовлю. На балкон я вынес ему пару книг с картинками и ушёл на кухню.

Ветчина, зелёный салат с помидорами — таким получился обед. На десерт я принёс ему мороженое. Сидя за кухонным столом, мальчик-аутист был на седьмом небе. Так это выглядело со стороны. Мне становилось не по себе. Как мало нужно для счастья. А ведь при виде его физиономии в камеру домофона я мельком подумал, может, не стоит открывать? Мне было совестно. Как такие мысли вообще могут приходиться в голову?

Я расспрашивал гостя о чём попало. Судя по всему, подросток и вправду помешался на парках, на

садоводстве. Он даже посещал какие-то «мастерские», где его учили сажать растения в настоящий грунт, правильно готовить почву и обращаться с удобрениями. А ещё он любил читать. И это тоже оказалось неожиданным. Я был уверен, что люди с умственными изъясными книг читать не способны. Правда читал он литературу для меня малопонятную — полуфантастику, да ещё и подростковую. В списке значился и Гарри Поттер, куда от этого деваться.

Через час я проводил его к воротам. В последний момент я вернулся в дом за книгой, хотелось что-нибудь ему подарить. Я принёс карманное издание Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Ничего более фантастического, а тем более на французском языке, у меня не было.

Макси принял подарок обеими руками, как на церемонии. Улыбаясь, тоскливо вглядываясь мне в глаза, он отвесил свой нелепый лакейский поклон, как и раньше уже делал при прощании...

Старая русская эмиграция едва ли похожа на те вымученные зарисовки, какие ей посвящают в книгах. Смесь напускной гордыни с пережитками бедности и унижительных лишений, внушаемость и вместе с тем кастовая обособленность, питающая себя доблестью былых времён, причём гордыня поголовная, от которой всем хотя бы что-то да перепало, как при умножении хлебов в библейской притче, — всё это даёт о себе знать на каждом шагу. И сто раз прав, конечно, В. Набоков, сам гордец последней гильдии, но всё же умевший отличать рудименты различия от фальшивого аристократизма и ложной скромности. Русский эмигрант, уверяет он, любит ходить дома в затрапезных штанах и в стоптанных «тапках», в гостях

из деликатности никогда не нажимает на сливной рычажок унитаза, а с куска мыла над раковиной непременно забывает смыть приставшую ворсинку, то есть просто волос...

О русскости, о русской кухне и блинах — размером с блюдце, пышно-дрожжевых, как их пекут потомки белых эмигрантов, в противовес большим и тонким, наподобие бретонских, французских, какими блины предпочитают в России, — спорить об этом можно было бы с утра до вечера. Так мы иногда и коротали вечера с Елисаветой Павловной, моей старенькой хозяйкой, если я соглашался поужинать вместе с ней, а это означало, что я должен был взять на себя приготовление ужина.

Я не любил готовить на её половине. Столовые салфетки и половые тряпки в таких домах сушатся на одной и той же бельевой верёвке. Пришлые коты обедают за одним столом с хозяевами. Столы же, покрытые не скатертями, а клеёнками, но непременно с английскими узорами из мелких лютиков, завалены вырезками из газет, этикетками для получения скидок по акциям в супермаркетах. На стенах повсюду — портреты не родственников, а никому неизвестной аристократии. Одного, мол, все колена, чего уж там...

Моя новая жизнь казалась мне отступничеством, да и просто каким-то суррогатом по сравнению с тем, что мне было дорого ещё вчера. И тем больше я тяготился разговорами о блинах и пирожках, о том, когда на воскресной службе можно присесть, а когда нужно стоять, как штык. Какая мне, в самом деле, разница, в косынках женщины приходят в церковь или с непокрытой головой? Скрепя сердце я обменивался любезностями с соседями старушки, которые уважали меня, похоже, только от страха перед моим джипом. Очевидно, были уверены, что при выезде на улицу

ЭТОТ мастодонт однажды заедет в бок их ситроену,
виновато притулившемуся у чужих ворот, точно
хитрощёкий поджавший хвост зверёныш.

... 133 стр.

конец ознакомительной демо-версии

[приобрести книгу](#)